

Ростовская ЕТАРИНА

Выпуск музея-заповедника «Ростовский кремль», № 163

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Загадочная лепнина церкви Одигитрии Ростовского кремля

• Александр Мельник

Стены и своды интерьера церкви Одигитрии (1692–1693 гг.) Ростовского кремля ныне оформлены многочисленными лепными украшениями, которые придают этому интерьеру подчеркнутое своеобразие (ил. 1, 2). Но, к сожалению, до нас не дошло никаких документальных свидетельств о времени возникновения данного лепного декора. Многие исследователи пытались установить его датировку. Рассмотрим их взгляды на поставленную проблему.

В начале XX века известный краевед А. А. Титов полагал, что лепнина современна строительству церкви Одигитрии, которая тогда датировалась 1693 г. Искусствовед Б. Эдинг в 1913 г. писал о том же произведении: «Внутри сохранилась отличная лепнина, верная тяжелой грациозности своей эпохи». Из контекста предшествующих строк явствует, что под данной эпохой Б. Эдинг понимал время заказчика строительства названной церкви ростовского митрополита Иоасафа (1691–1701 гг.). Фактически в этом вопросе Б. Эдинг присоединился к мнению А. А. Титова. Писавший одновременно с Б. Эдингом Ю. Шаумурин отнес лепные украшения церкви Одигитрии к первой половине XVIII века, но никак это не обосновал. Упомянутому мнению А. А. Титова следовал краевед В. А. Собянин, кроме того, он, очевидно, первый охарактеризовал лепнину как чрезвычайно характерную для стиля барокко.

В последующем, вплоть до наших дней данное определение стиля лепнины стало господствовать в умах не только любителей, а и — искусствоведов. Несколькими различались лишь датировки, даваемые ими интересующей нас лепнине.

Так, известный специалист по русскому искусству — доктор наук, профессор Московского государственного университета М. А. Ильин считал, что она создана по заказу ростовского митрополита Иоасафа (1691–1701 гг.) «в духе московского барокко», архитектор, кандидат искусствоведения В. С. Баниге датировал все убранство интерьера концом XVII — началом XVIII века, искусствовед В. Н. Иванов отнес лепнину к 1720–1730-м годам, а искусствовед В. Т. Кривоносов — к началу XVIII столетия. Еще раз подчеркнем, все названные дипломированные искусствоведы, включая доктора наук, считали рассматриваемую лепнину

произведением стиля барокко. Именно из данной характеристики стиля произведения и вытекают предлагаемые ими датировки.

Беда только в том, что данная стилиевая характеристика совершенно не верна.

Явная асимметричность лепных картушей, обилие рокайльных мотивов, наличие орнаментов в виде сети с диагональным переплетением неопровержимо свидетельствуют, что это не памятник барокко, как полагали до сих пор, а произведение стиля рококо.

Как видим, целая когорта искусствоведов не смогла отличить рококо от барокко, что, конечно, знаменательно и весьма поучительно.

Итак, коль скоро рассмотренная лепнина является произведением рококо, то не может быть и речи о ее датировке ни концом XVII века, ни началом XVIII столетия, ни даже 1720–1730-ми годами, поскольку, как известно, стиль рококо, зародившийся во Франции, пришел в Россию лишь в период правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). Следовательно, лепнина церкви Одигитрии не могла появиться раньше середины XVIII века.

Самый же близкий аналог интересующего нас произведения находится в Ростовском кремле. Это выпавшая из поля зрения исследователей лепнина храма Григория Богослова. Надежные сведения о времени ее появления и заказчике содержатся в «Архиреевом ростовском летописи», в которой вполне определенно сказано, что ростовский митрополит Арсений Мацеевич (1742–1763 гг.) в «церкви Григория Богослова, что при доме архиерейском... стены убра алабастром». Данный «алабастровый» декор, как и лепнина церкви Одигитрии, включает в себя горизонтальные профилированные карнизы, членящие стены на подробные же два яруса, каннелированные пилястры и ассиметричные картуши в стиле рококо. В целом лепные декорации того и другого храмов построены по единому принципу, а некоторые их композиции поразительно схожи (ил. 3).

Обнаружение столь близкого аналога позволяет утверждать, что лепнина церкви Одигитрии была создана по заказу ростовского митрополита Арсения Мацеевича в период его правления, то есть в середине XVIII века.

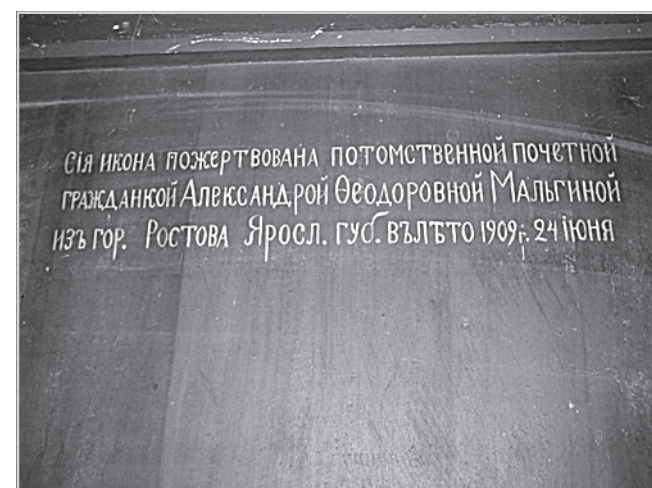
Дар из Ростова

• Зинаида Краузе

Фамилия Мальгиных — ростовских купцов-благотворителей известна и сегодня многим жителям нашего города. Да все равно не

них больных родителей». Светлую память оставила о себе эта женщина в нашем городе.

Но вот не так давно мы узнали, что память о ней хранит не только

грех напомнить, что, например, Всеволод Александрович Мальгин (1834–1898) являлся потомственным почетным гражданином, он принимал активное участие в восстановлении Ростовского кремля, а также жертвовал неоднократно на благоустройство приходского храма Леонтия на Заровье.

И в своем завещании оставил Ростову 5000 рублей для раздачи с этого капитала процентов бедным два раза в год — на помин души.

И его супруга Александра Федоровна (1845–1915) также потратила немало собственных средств на благотворительность. Просторный деревянный дом на улице Яковлевской (ныне Энгельса), который сейчас не существует, она пожертвовала Спасо-Яковлевскому монастырю, и в доме этом в 1907 году была открыта церковно-приходская школа.

Средняя часть здания нашей больницы была сначала церковью, и выстроена она тоже на деньги А. Ф. Мальгиной.

На ее же деньги был устроен приют при земской больнице «для временного содержания детей бед-

Ростов, но и далекий от нас Иерусалим.

Монахиня Спасо-Яковлевского монастыря мать Нонна в 2011 году отправилась в качестве паломницы в монастырь Вознесения Господня, который находится на самой вершине Елеонской горы.

Позади храма этого монастыря стоит небольшая часовня во имя Иоанна Крестителя. Предание гласит, что часовня стоит на месте первого и второго обретения Главы Иоанна Предтечи.

В этой часовне имеется икона Ростовских святых, реставрацией которой и занималась мать Нонна. Повернув икону обратной стороной, матушка прочитала надпись: «Сия икона пожертвована Потомственной почетной гражданкой Александрой Феодоровной Мальгиной из гор. Ростова Ярослав. губ. в лето 1909 г. 24 июня».

Вот так неожиданно нам стало известно еще об одном благородном поступке этой удивительной женщины.

К сожалению, нам не удалось выяснить, каким образом эта икона попала на Святую землю.

Об открытии попечительного совета при городской больнице

• Константин Степанов

Большую помощь медицинским и школьным заведениям в России до 1917 г. оказывали различные попечительные советы. Они помогали ремонтировать здания, покупали мебель, различное оборудование и принадлежности, содержали прислугу, а при необходимости, платили за больных и школьников. Подобное имело место и в г. Ростове и его уезде Ярославской губернии.

Так, 18 июля 1851 г. ярославский гражданский вице-губернатор Зиновий Алексеевич Богданов отношением за № 3729, по Приказу общественного призрения, уведомил ростовского уездного предводителя дворянства Александра Петровича Протасьева в том, что министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский, циркулярным предписанием от 31 марта 1851 г. за № 724, приказал в качестве «опыта»

вести на два года Устав в лечебных заведениях гражданского ведомства, утвержденный Государственным советом. На основании этого основополагающего документа при уездных городских больницах должны были учреждаться попечительные советы под председательством предводителей дворянства. В своем послании в Ростов З. А. Богданов потребовал «немедленно открыть при Ростовской городской больнице сказанный совет, согласно присланному в тамошнюю градскую думу Уставу и во всем руководствоваться в управлении больницами сим Уставом и о исполнении сего и о дне, в который открыт будет этот совет, уведомить Приказ».

Поскольку документ был выслан в Ростовскую градскую шестиглазную думу, уездный предводитель дворянства 22 июля 1851 г. направил ей письмо с просьбой предоставить ему Устав лечебных заведений. В ответ на это

гласный думы Константин Ершов, с отношением № 1413 от 27 июля 1851 г. отправил А. П. Протасьеву запрашиваемый документ.

На основании параграфа 14-го вышеупомянутого Устава предводитель дворянства, посредством деловой переписки от 1 августа 1851 г., пригласил на 3 августа 1851 г. городского, инвалидного начальника, лекаря Самарина и письмоводителя думы прибыть в больницу «на 3-е число августа месяца для открытия при Ростовской градской больнице попечительного совета». В дополнение к этому, А. П. Протасьев 2 августа 1851 г. предложил городскому голове, купцу 2-й гильдии Ивану Федоровичу Кекину, в связи с открытием попечительного совета, доставить в городскую больницу необходимую мебель, т.к. «вероятно, таковой в наличности не имеется».

3 августа 1851 г. исправляющий

должность ростовского городского головы гласный Александр Гогин в письме из думы за № 1454 уведомил уездного предводителя А. П. Протасьева, что «заведование делопроизводством в совете здешней городской больницы, на основании... Устава лечебных заведений гражданского ведомства, думою возложено на секретаря ее Петрова, о чем ему и объявлено». Наряду с этим он заметил, что четвертый писец думы, коллежский регистратор Разумовский, командирован в комиссию оценочную и учрежденную для разбора архивных дел ведомства Министерства внутренних дел, от чего по делопроизводству и счетоводству собственно по думе ощущается недостаток в писцах». В этот же день А. Гогин от своего имени письмом за № 11 известил А. П. Протасьева, что «ни мебели нужной для присутствия совета здешней городской больницы, ни суммы на приобретение оной, я

в распоряжении своем не имею».

Испытывая многие трудности в деле организации попечительного совета при Ростовской больнице, уездный предводитель уведомил 4 августа 1851 г. Ярославский приказ общественного призрения письмом за № 1 от имени вновь образованной общественной организации, что общее собрание из вышеуказанных лиц «за общими подписями, открыло 3-го числа прием членов совета». Таким образом, попечительный совет при больнице начал свою работу с 3 августа 1851 г., а отправленное в Ярославль письмо стало началом отсчета исходящей из него корреспонденции.

Несмотря на пожелание Л. А. Перовского осуществлять работу хотя бы в течение двух лет, попечительный совет продолжил свою деятельность при Ростовской больнице и в 1854 г., о чем известно на основании его пере-

писки с городским судьей. Так, в связи с болезнью уездного предводителя дворянства, 11 февраля 1854 г. письмом за № 34 совет оповестил ростовского городского судью, что «Ярославский приказ общественного призрения на основании отчета от 17 октября... 1853 года за № 151 предложением от 31 декабря [1853—К.С.] за № 6175 уведомил, что за отсутствием или болезнью и по другим причинам уездного предводителя дворянства должность эту исправляет уездный судья или другой, кто будет назначен за отсутствием судьи... то лицо и должно председательствовать в совете». Одновременно совет поставил судью в известность, что на основании 27-го параграфа Устава лечебных заведений гражданского ведомства «обыкновенные заседания совета бывают один раз в неделю, а именно по четвергам в час по полудни, кроме особенных, чрезвычайных случаев».

• Елена Крестьянинова

Исследователи Ростовской ярмарки обычно отмечают ее многолюдность, разнообразие товаров, объем товарооборота... За всем этим стоят конкретные люди с их конкретными делами и занятиями.

В 1820-е - 30-е годы наша ярмарка была не просто многолюдной, но весьма представительной. В Ростове по делам коммерции пребывало крупнейшее российское купечество. Так, в 1822 г. сюда приезжали астраханские 1 гильдии купцы братья Сапожниковы, известные рыбопромышленники. Их состояние было огромно, и уже тогда они обладали большой коллекцией живописи, начало которой положили отец Петр Семенович. Он и приобрел в свое время в Астрахани картину кисти самого Леонардо да Винчи — «Мадонна с цветком». Ныне эта картина хранится в Эрмитаже и называется «Мадонна Бенуа», поскольку поступила от Марии Александровны Бенуа, в девичестве Сапожниковой. А в Ростове Александр и Алексей Петровичи Сапожниковы провели три финансовых операции: ссудили ростовскому мещанину Е. Ф. Симонову деньги в сумме 6356 и 9230 р. и купцу Василию Михайловичу Хлебникову — 4835 р.

В 1831 г. московский 1 гильдии купец Алексей Ульянович Атрыганьев (1774-1834), содержавший питейные сборы вкупе с княгиней Натальей Ивановной Голицыной, развернул

сеть питейных домов в Ростове — на время ярмарки. С этой целью он нанял «сидельцев» (не все они были ростовцы, т.е. люди, живущие в других городах, специально приезжали сюда на ярмарку в поисках работы), и взял в аренду несколько каменных домов, в том числе и таковой дом у купца Г. Ф. Морокуева. Интересно, что у княгини Голицыной, «известной своим умом и энергией», был свой собственный представитель на ярмарке — ее крестьянин Петр Минович Копылов, который «отдал в наем московскому мещанину И. В. Сизову строение в архангельском приходе у озера Нера для пивоварения за 200 р.».

В том же 1831 г. на ярмарке в Ростове были тульский купец 1 гильдии Денис Осипович Сушкин (- 1846), владелец щетиной фабрики, торговавший с заграничной, основатель династии будущих банкиров, и костромской купец Петр Сергеевич Денисов, владелец «колоколенного и по изготовлению медной посуды завода». Оба привезли на ярмарку продукцию своего производства.

А московский 3 гильдии купец Хрисанф Денисович Королев и архангельский купец 1 гильдии Вильгельм Брандт (1779-1832) — промышленник, нидерландский, ганноверский, датский и бременский «консул», сахарный король, организовавший в 1812 г. фирму, корабли которой напрямую привозили из Южной Америки сладкое сырье, заключили выгодный для обеих сторон контракт.

В Ростове на ярмарке

Королев должен был перевезти из Ростова в Москву для Брандта 19 бочек «сахару-рефенату» (это 445 пудов 14 ф.), 2 бочки ягод коринки (67 пуд 20 ф.), 6 чибиков краски индиго, 1 пуд 2 ф. и 1 бочку кофе. За перевоз Королев должен был получить по 50 копеек с пуда. Наверное, и получил — фирма «Вильгельм Брандт» была весьма солидной.

Контракт на довольно крупную сумму (8750 р.) заключили ростовский купец Федор Алексеевич Кекин и арзамасский купец-скотопромышленник Алексей Иванович Подсосов, по которому он должен был Кекину не только поставить топленое, налитое в бочки мыльное сало, но и доставить его в Нижний Новгород. Известен еще один контракт Ф. А. Кекина в этот период: в 1824 г. он выдал вексель фридрихсгамскому купцу Крегсу, которому должен был заплатить в Петербурге 10000 р. за товар (пряжу), купленный на ярмарке в Ростове.

В 1831 г. на ростовской ярмарке купец 1 гильдии Дмитрий Михайлович Епинатьев из Ревеля (ныне Таллин), известный производитель овощей и овощной продукции, нанял себе в работники на 5 лет крестьян Василия Федосеева с сыновьями Андреем, Николаем, а также братьев Ивана, Алексея и Гаврилу Андреевых из Кустери.

Во время ярмарки 1832 г. в Ростове появились крупные ярославские купцы, братья Пастуховы. Они заключили контракты с комитетом по построению

Мытного двора в Ростове: Петр Матвеевич на поставку листового железа с завода А. И. Яковлева в количестве 2000 пудов на сумму 17700 р., Александр Матвеевич — 2500 пудов на сумму 18245 р. Кроме этих контрактов, заключенных Пастуховыми лично, по их доверенности ростовский 3 гильдии купец Василий Андреев Павлов заключил контракт на производство «кровельно-железных работ и обивку дверей в лавках из листового железа в количестве 4050 пудов с поспешностью в течение осени 1832 года, а остальное по мере выстроения. Мастеров иметь не менее 12 человек».

На ярмарке в Ростове можно было занять (и ссудить) денежные средства. Интересно, что в 1824 г. наблюдается «десант» из нежинских ростовщиков. Это греки Иван Клет, ссудивший «служивого» татарина Фактулу Искальдова суммой в 970 р., Трофим Чумаги, у которого взял в долг 2000 р. служивый татарин Абдулла Мехит. Тот же Чумаги ссудил 2717 р. казанскому служилому татарину Абазу Ахмедову, а клиентами грека Ивана Наджи стали татары Сейфулдин Абдрахманов, занявший 1000 р., и Сайфулла Каникаев (500 р.), который одолжился еще и у грека Николая Пакимади. Примечательно, что все татары подписывались под контрактами по-арабски. Значит, этот язык здесь был понятен. Взятые в долг деньги должны были быть возвращены через год — также на ярмарке.

Гораздо более крупными суммами оперировал ростовский купец Евграф Саввич Кайдалов, который взял у своего брата Андрея Саввича в долг по векселю сначала 20000 р., потом 10000 р., а в заключение — еще 15000 р. Тот располагал немалыми средствами, если, дав младшему брату 45000 р., ссудил и старшего Александра Саввича — суммой в 10000 р.

Названные денежные операции, конечно, представляют немалый интерес. Но меня совершенно потряс контракт, заключенный на ростовской ярмарке 28 февраля 1822 г.

Его подписали «господин флота капитан-лейтенант Петр Тимофеевич Полозов и московский мещанин Степан Федотов сын Романчиков». Замечу, что П. Т. Полозов (род. 1783) был дядей по матери адмирала Геннадия Ивановича Невельского (1813-1876) — исследователя Дальнего Востока, и его воспитателем. Сам он был морской офицер, окончил Морской корпус в СПб в 1802 г., участник войны со Швецией (1808), жил своим именем в Солигачском уезде Костромской губернии и имел большую морскую библиотеку. Это общеизвестные сведения.

А на ростовской ярмарке П. Т. Полозов приобрел у книготорговца книги 55 наименований, всего 241 том по каталогу. Это собрания сочинений Державина, Карамзина, Плавильщикова, Жуковского, Княжнина, Лажечникова, Богдановича. Это романы Шатобриана,

Мари Коттен, м-м Жанлис, Рош, Каролины Лихтвальд. И это «Обозрение путешествий», «Путешествия из Парижа в Иерусалим» Шатобриана, «Первое кругосветное плавание» Джеймса Кука, «Записки морского офицера» Броневского, «Путешествие Пифагора» Маршала Сильвена, «Всемирный путешествователь» Жозефа де ла Порта, «История о покорении Мексики» Антона Салиаса, «История покорения Мексики» У. Х. Прескотта, «Победы кн. Итальяско-го», «Описание путешествий», «Чудеса природы, или собрание необыкновенных и примечания достойных явлений в целом мире тел» Сиго де ла Фона... и это далеко не все книги!

Цена приобретенных книг составила семьсот сорок семь рублей, сумма эта была получена от Полозова сполна. А книги Романчиков должен был по контракту доставить за свой счет своему покупателю в Ярославль «не позже июня месяца текущего года, а в противном случае волен он Полозову взять из принадлежащей мне в Ярославле лавки у комиссионера моего Александра [нрзб.] книгу по выбору ценю противу каталога на три тысячи рублей безо всякого с его и моей стороны противоречия, в чем и подписуюсь», — записано в контракте.

Интересно, где сейчас знаменитая библиотека П. Т. Полозова, которую он собирал, посещая и Ростовскую ярмарку...

Продолжение следует.

Ростовские кружева в Нью-Йоркской публичной библиотеке

• Любовь Мельник

В Нью-Йоркской публичной библиотеке среди оцифрованных и выложенных в интернете для свободного доступа мне как-то попались фотографии кружев, подписанные «Кружева Ростовского уезда Ярославской губернии». Оказалось, что семь «ростовских» фотографий с полосами кружев (см. фото) входили в альбом «Образцы старинного народного узорного шитья и кружев из коллекции К. Далматова», датированный 1893-1894 гг.

В интернете же я нашла следующие сведения о владельце коллекции Константине Дмитриевиче Далматове. Родившийся в 1859 г., он готовился к карьере военной, получил соответствующее образование в кадетском корпусе. До 1883 года был офицером Измайловского полка. Некоторое

время служил в Министерстве государственных имуществ. Занялся коллекционированием — собирал ткани, вышивки, кружева. В 1883-1884 гг. устроил в Петербурге Первую выставку российского народного узорного шитья. В той же Нью-Йоркской публичной библиотеке имеется и альбом фотографий залов этой выставки.

Кроме коллекционирования Далматов публиковал составленные им узоры для вышивки, вышивания в журналах «Нива», «Семья и Школа» и прочих, пословицы и поговорки для вышивания, метки для белья. Он выполнил заказ на вышивку шелком по атласу и полотну для «русского терема» датского королевского парка Фреденсборга. На Парижской всемирной выставке 1889 года альбом фотографий старинных кружев и вышивок

из коллекции Далматова был удостоен бронзовой медали.

Как это нередко бывает, страстное коллекционирование приводило Константина Дмитриевича время от времени в обстоятельства стесненные, а иногда — и на грань нищеты. Он вынужден был свое собрание продавать частями.

В 1891 году за 6 тысяч рублей продал 3300 предметов из своей коллекции Министерству финансов (при том, что сама коллекция в это время включала 4800 вещей). Закупка эта Минфином была произведена для Строгановского училища.

В 1899 г. Далматов предложил вновь выросшую в объеме коллекцию Русскому музею — за 15 тысяч рублей. Музей отобрал для закупки 1088 предметов на 5 тысяч, деньги на закупку выделил Великий князь Георгий

Михайлович.

Позднее Далматов еще дважды пытался продать коллекцию Русскому музею, но по разным причинам сделать это не удалось. Позднее, побывав в фонде Центрального музея народоведения Москвы, вещи из первой закупки попали в Эрмитаж.

Некоторые вещи из собрания Далматова оказались в коллекциях Российского этнографического музея (в 1902 году в каргопольскую и пудожскую коллекции включены были 33 предмета из закупленных у К. Д. Далматова).

Точная дата смерти и место захоронения не известны, считается, что Константин Дмитриевич Далматов умер не позднее 1919 года. Представление же о масштабах собирательской деятельности коллекционера дают, пожалуй, лишь альбомы с фотографиями его сокровищ.

